
ДОГМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

*(Речь о С. Булгакова
на съезде православной культуры)*

Есть разные определения человека, которые давались ему в разные времена:

- 1) человек есть существо общественное;
- 2) человек есть существо мыслящее;
- 3) человек есть существо «пиитическое» в греческом смысле слова, т. е. творчески действующее в мире.

Это третье определение наиболее полно выражает сущность человека, ибо, как говорит русский мыслитель Федоров, «мир дан человеку не для поглядения, а для действия». Бог сотворил человека как вершину мира, как существо космическое, а мир как бытие человеческое, т. е. человек космичен, а мир человекен.

Человеку дано осуществлять свою человечность— быть существом пиитическим, творчески действующим в мире — не пассивно, а активно, и от этого долга человек не может уклониться.

Бог создал человека, чтобы он владел тварью, чтобы возделывал и хранил рай и дал имена животным, познав их. Человек создан по образу и подобию Божию, и это одновременно есть для него и данность и заданность. Бог сотворил человека так, чтобы он образ Божий осуществил в своем подобию. Человек сам себе задан для того, чтобы творческим усилием осуществлять свой предвечный образ. Это не значит, что творчество человека отождествляется с Божиим творчеством, потому что Божие творчество извлекает бытие из пустоты, а человек творит из Божественной полноты. Можно сказать, что тема человека вложена в него Богом, а задача человеческого творчества — осуществление и развитие этой темы. Человек призван быть со-творцом мира. Конечно, не в том смысле, что он может сотворить что-то, Богом не созданное, но человек продолжает раскрытие Божественного замысла о мире. Об этом сказано в VIII главе Притчей:

премудрость была для Бога «радостью», «и радость моя с сынами человеческими».

Можно сказать, что в шестодневе Бог сотворил мир «добро зело» и человеку поручил дело до-творения мира. Например, рай был создан в одной части земли, а человек должен распространить его во всей вселенной. Если мир дан человеку не для поглядения, не объективно, то он дан проективно. Итак, творчество в человеке есть черта образа Божия. Но человек создан не как обособленное существо, а как родовое, как живое и живущее многоединство. Поэтому творчество отдельного человека всегда входит в творческое дело человечества как целого, в общее дело,— и в этом печать образа Божия.

Не изгладило ли грехопадение образа Божия в человеке? Нет, потому что образ Божий не может быть изглажен, Бог не раскаивается в делах своих. Но может измениться сила и степень подобия, это и произошло после грехопадения. Творческие силы человека ослабели. Нарушилось отношение человека к миру и к самому себе. Человек перестал с очевидностью сознать бытие Божие и бытие собственного духа. Очевидным осталось для него лишь бытие плоти мира. Поэтому у него появилась необходимость аскетически осознавать свой богоподобный дух, выходить из плена миру. Человек сделался пленником космоса из-за недолжного отношения к миру.

После грехопадения человек обречен на рабство своим телесным потребностям, находится в плену у плоти. Но все же человек пленник, а не раб, и у него остаются черты его царственного происхождения.

В результате грехопадения творчество человека приобретает трагическую раздвоенность, происходит борец духа и плоти — аскетическое противоборство двух возможностей для творчества человека: с одной стороны, человек, подчиняющийся стихиям мира, живущий жизнью этих стихий, с другой — человек, борющийся со стихиями и осуществляющий образ Божий в себе.

Таким образом, открываются два пути для осуществления творческих способностей человека: путь *цивилизации* и путь *творчества (культуры)*. Цивилизация есть приспособление к условиям природной жизни. Культура — творческое отношение человека к миру и к самому себе, когда человек на свой труд в мире налагает печать своего духа. Впрочем, нет абсолютной культуры и абсолютной цивилизации, потому что человек не может быть ни до конца рабом, ни до конца творцом.

Еще в Библии намечены эти два пути — путь рабства миру, путь Каина и каинитов, ковачей и изобретателей орудий,— и путь культуры — путь народа Божия.

Каким образом творческое отношение к миру осуществляется в язычестве и в Ветхом Завете?

Язычество, не только по сравнению с Ветхим Заветом, но и по сравнению с христианством, представляет род первозданного Эдема, когда люди «были наги» и пребывали в первозданной невинности и чистоте. Язычество слепо по сравнению с зречностью Ветхого Завета и с остротой зрения, которая дана в христианстве. Язычество не различает греха, не видит той тени, которую первородный грех отбрасывает на все бытие. Преимущество древнего язычества есть преимущество религиозной слепоты, преимущество и некая мудрость детского состояния. Но это не та мудрость, которая должна быть достигнута зрелым человеком.

Все же, хотя и смутно, язычество знало грех. Перед сознанием древнего мира вставала «мойра» — трагическая неизбежность бытия. Поэтому древний мир — родина трагедии. Прометей, прикованный к скале, есть образ титанического противоборства человека природным стихиям (в язычестве эти стихии выступают в образе жестоких богов). С одной стороны — Прометей, с другой — Дионис, менады, оргиазм,— все это говорит о том, что древний мир слышал подземные удары. Но, в общем, можно сказать, что древность проще и счастливее нас, потому что она не знала раздвоения религии и цивилизации и трагизма культурного творчества в той мере, в какой он ведом нам,— она не знала секуляризации. В этом смысле жизнь древнего язычества проще и благочестивее.

Ветхий Завет находился в отношении к культуре и творчеству под педагогическим запретом. Языческая культура была для Израиля отравой и опасностью, для Израиля было запрещено иконопочитание, философия — то, что было божественным даром эллинства. Но в той области жизни, которая была ему дозволена, Израиль жил в единстве культуры и, как и язычество, не знал секуляризации. Израилю были даны Богом определенные законы жизни, государства, гражданственности, даже священной поэзии, которая была связана с культом. Общение же с другими культурами было запрещено и было возможно лишь через «блуд», через отпадение от своего культа. Жизнь Израиля религиозно вдохновенна (псал-

мы Давида, художество скинии) и в этом смысле культурна. Еще одна черта характерна для культуры Израиля — ощущение своей истории как священной истории, как священной родословной, соединяющей народ в одну семью, как священного дела культуры, вверенной израильскому народу. Израилю был дан идеал царствия Божия на путях истории. Это культура, которая вдохновляется откровением истинного Бога, это единство жизни — тот потерянный Эдем, которого мы ищем и не можем обрести.

Ветхий Завет был ветхим по отношению к Новому, который упразднил Ветхий, его исполняя. Христос пришел не судить, но спасти мир. «Бог так возлюбил мир», что отдал за него Сына Своего Единородного. Христос — это свет, «просвещающий всякого человека, грядущего в мир». В этих словах мир означает космос, в котором человек есть космиург. Иисус Христос исполняет и утверждает то участие человека в творчестве мира, которое было ему дано изначально.

Но в христианской литературе мы всегда встречаем и противоположение Бога и мира. Христос говорил апостолам: «Не любите мира, ни того, что в мире». Есть два значения, два понимания мира: — 1) Мир как космос, как небо и земля, — в этом смысле мир неуничтожим и будет преображен. 2) Мир, находящийся в болезни, этим миром владеет «князь мира сего», и этот мир будет спасен. Христианство не ограничивает отношения к миру одним из этих пониманий. Бог чрез Своего Сына, которого Он отдал миру, явил истинное отношение к миру. В христианстве противопоставление мира и «мира» в двух различных значениях встало с ослепительной ясностью. Христианская жизнь есть непрерывная борьба с миром, борьба за духовное существование. Если мы в этой борьбе уступаем, то здесь приносится жертва культурой ради цивилизации. Победа же в этой борьбе дает творчество культуры. Аскетизм и культура не противоположны, это единое духовное начало в человеке, осуществление в человечестве единого образа Божия.

Человек сотворен в мире и в плоти, это необходимое условие существования, и никто не может от этого оградиться, пока он живет, то есть творит. Но если человек не творит, не делает, если он безответствен перед своим делом, если он не влагает в дело силы своей мысли, силы любви, то он осуществляет не аскетизм, а нигилизм. И если это называть аскетизмом, то такой аскетизм есть

плен миру, это признание мира даже в большей степени, чем признает его секуляризованная цивилизация. Нигилистическое понимание аскетизма выражается в освобождении себя от ответственности за мир. Подлинный же аскетизм является величайшей культурной и творческой силой в мире.

Христианское ведение, острота христианского глаза вносит в сердце творческий трагизм противоборства. В области осуществления культуры несомненен принцип Федорова: «Не должно быть ничего дарового». Все, что человек делает, должно быть оплачено творческим усилием, трудом. Человек существо противоречивое, его судьба трагична, только благодать Божия может дать человеку мир, покой и радость.

В христианстве противопоставление культуры и цивилизации принимает особенно отчетливые формы. Цивилизация в своем развитии могла бы овладеть человеком и разрушить его дух, т. е. превратить человека в допотопное существо (потомки кайнитов). Если бы большевики в России могли осуществить свой идеал цивилизации, они вернули бы человека в допотопные времена. Но ныне это уже невозможно: в мир вошел свет христианства.

Утопично и неблагочестиво было бы думать, что человечество может освободиться от гнета первородного греха, от гнета цивилизации и превратить всю жизнь в культ-культуру. Но человеку дано идти по этому пути и завоевывать в этом направлении все новые и новые области.

Отношение культуры и цивилизации различно понимается в протестантизме, католичестве и православии. Протестантизм резко разделяет две области жизни христианина: область личной духовной жизни и область мирского делания, мирских дел, труда. Такое разделение для протестанта честно и религиозно обосновано. Вторая область служения миру регулируется морально и постольку тоже имеет значение для религиозной жизни человека. Морально протестант делает все возможное, чтобы спасти культуру от цивилизации, но это ему не удается, и он остается во власти секуляризации.

Католичество все вопросы жизни разрешает на основе иерархического подчинения клерикальной организации жизни. Культура и цивилизация находятся в отношении соподчинения. В католичестве церковная жизнь вдохновляет мирское творчество, и в этом его заслуга. Но для нас

путь творческой борьбы за культуру невозможен, если признавать иерархическое подчинение культуры.

Православный путь — путь свободы в смысле отсутствия подчинения церковного творчества определенным клерикально-иерархическим заданиям. Иногда это понимание упрощается и сужается, иногда расширяется. Но даже бытовое благочестие русского народа, выросшее веками, есть яркий образ победы культуры над цивилизацией. В быте русского народа пронизанность религиозным вдохновением имеет место не только в храмовой жизни, но и во всей жизни, вне храма, в быту. В этом смысле может быть правильна данная некогда характеристика русских крестьян: «Если бы мы не ругались и не пили, то были бы святыми». Проникновение в быт и освящение быта вообще свойственно православию.

Каково последнее задание культуры?

Задача культуры — дело богочеловечества, т. е. очеловечение мира и обожение человека. В этом смысле задание культуры совершенно беспредельно.— Христос явился истинным человеком и совершил вочеловечение мировой жизни. Поскольку мы христиане, мы должны идти и идем по этому пути, хотя и знаем, что никогда не достигнем цели. Но все же должны быть достижения. Мы должны творить, религиозно любя то дело, которое делаем, чтобы дела наши были камнями, приносимыми для строительства Царствия Божия. Недостижимый предел культурного творчества есть Царство Божие. Совершенно неуместно и неубедительно ссылаться на отсутствие в св. Писании указаний на пределы, границы и характер человеческого творчества. В Слове Божием ничего о нем не сказано, потому что и не может быть сказано: цели человеческого творчества определяются свободой, заложенной в человеке,— и на этом основании не могут быть детерминированы в Писании. Во всяком случае, из этого молчания Слова Божия абсолютно не выводимо нигилистическое отношение к творчеству по принципу «кое-как», потому что «кое-как» есть отречение от культуры в пользу цивилизации. Бог почтил человека тем, что дал ему часть в собственном творческом деле. И поэтому творчество имеет религиозную ценность, возможно лишь при прохождении аскетического пути, потому что аскетический путь имманентен творческому акту. Тут аскетизм и нигилизм выявляют свою противоположность. Аскетизм является неотъемлемой частью творческого пути, а нигилизм — предельным отрицанием творчества. Человечес-

кое творчество есть не только внутреннее состояние, но и внешнее делание, меняющее облик мира.

Творчество включает художество, всякое искусство, всякое человеческое делание, которое проектируется как *агс*. Творчество должно быть связано с религиозной ценностью человека (аскетический момент должен быть имманентно заложен в творческом акте). Спаянность внешнего делания и религиозного — есть вдохновение (духовный артистизм). Культ есть духовное средоточие культуры.

Два русских мыслителя, выражавшие настроение и характер своей эпохи, так отвечали на вопрос о смысле и норме религиозной культуры:

1) Ал. Бухарев проповедовал, что все надо совершать в духе Иисуса Христа, быть с Ним и творить во имя Его.

2) Федоров считал, что творчество есть не только внутреннее, но и внешнее делание, и на этом основании видел возможность восстановления падшего человека на путях культуры.

Как материя любит форму и художника, который дает ей форму, так и человек ищет ту форму, которую любит его материя. Но он должен творить не как Прометей и не как раб, но как сын, которому сказано: «Без меня не можете творить ничего» и который сам говорит о себе: «Все могу о укрепляющем меня Иисусе».